

Ключові слова: *баптисти, радянська історіографія, західна історіографія, пострадянська ліберальна історіографія, конфесійна історіографія, свобода совісті, державно-церковні відносини.*

Статья Е.И. Панич рассматривает и анализирует работы отечественной и зарубежной историографии, посвященные истории евангельских христиан-баптистов с конца 40-х гг. XX века до сегодняшнего дня. Автор выделяет четыре историографические школы – советскую, постсоветскую, западную, конфессиональную; определяет главные темы, которые поднимают представители данных направлений, и характеризует подходы, применяемые для освещения истории этой конфессии.

Ключевые слова: *баптисты, советская историография, западная историография, постсоветская либеральная историография, конфессиональная историография, свобода совести, государственно-церковные отношения.*

Olena Panych reviews and analyses in her article domestic and foreign historiography related to the History of Evangelical Christian Baptist since 1940s till nowadays. She distinguishes four schools of historiography: Soviet, post-Soviet, Western and denominational. She also defines main research questions raised by the representatives of these schools, and characterizes approaches used by them in order to elucidate the history of this denomination.

Keywords: *Baptists, Soviet historiography, Western historiography, post-Soviet liberal historiography, denominational historiography, freedom of conscience, state-church relations.*

Н. Беякова* (м. Москва, Росія)

УДК 2-766:35.077.3(47+57)

СПОСОБЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВАНГЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В ПОЗДНЕМ СССР

До сих пор евангельско-баптистское братство переживает последствия влияния на него советской атеистической политики. Сегодня можно попытаться реконструировать те условия, в которых оно вынуждено было существовать, и начать осмысление советского наследия воздействия, отразившегося во всех сферах его современной жизни. Эта работа представляется весьма масштабной и разнообразной. В данной статье я постараюсь показать результаты моих наблюдений, основанные на анализе документации Совета по делам религий (далее - СПДР) и его уполномоченных, о механизмах регулирования и повседневного контроля за деятельностью позднепротестантских религиозных объединений.

---

* Беякова Н.А. – кандидат исторических наук; научный сотрудник Центра истории религии и церкви Института всеобщей истории РАН.

Прежде чем перейти к рассмотрению способов и концепций регулирования деятельности протестантских церквей в позднем СССР, представляется необходимым сделать несколько вводных замечаний. Во-первых, возможность регулирования государством форм религиозной активности верующих была заложена в нормативно-правовой базе советского государства. С самого начала, «отделив» от себя Церковь, государство не просто не признало права Церкви на внутреннюю автономию, в том числе и в вопросе выбора организационной формы существования, но и сразу определило «формат», в который может быть вписана Церковь, а именно - «церковные и религиозные общества».³⁰⁷

Соответственно, государство, отказавшись от понятия «церковь», оставило за собой право регламентировать религиозную деятельность граждан, исходя из своего представления о «частных обществах и союзах». Изменения в законодательстве о культурах, принятые в 1962 г., и приобретшие форму закона в союзных республиках, зафиксировали необычайно широкий спектр «легальных» возможностей для участия государственных инстанций в жизни религиозных объединений: от права на отвод членом «двадцатки» до регистрации служителей культа как одного из способов санкционировать их богослужебную деятельность.

Во-вторых, в 1940-е гг. создается система государственного регулирования религиозной жизни, которая действовала в стране до конца 1980-х гг. Создание во время Великой Отечественной Войны специальных органов, ответственных за взаимодействие государства с религиозными организациями, продемонстрировало качественный перелом государственной политики в отношении религиозных институтов. СПДР к 1980-м гг. теоретически «замкнул» на себе контроль за религиозной сферой. Ему принадлежало право окончательного решения по всем принципиальным вопросам религиозной жизни верующих: регистрации религиозного объединения, передачи в пользование культового здания, аренды помещений для проведения богослужений, ремонта и перестройки молитвенных зданий, проведения религиозных съездов и совещаний. Именно Совет получал все письма и жалобы верующих по поводу организации церковной жизни. Тем не менее, анализ документов СПДР показывает, что этот орган испытывал серьезные сложности в практической реализации законодательно оформленной религиозной политики государства. Документы Совета демонстрируют, что местные власти в исследуемый период стремились проводить самостоятельную политику и не видели большой необходимости во взаимодействии с СПДР.

В-третьих, к середине 1970-х гг. протестантское сообщество было разделено на зарегистрированные и незарегистрированные в государственных органах объединения. Эта ситуация наблюдалась как в среде евангельских

---

³⁰⁷ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах 20 янв. (2 февр.) 1918 г. //Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917-1941. Документы и фотоматериалы. - М., 1996. - С. 25-27.

христиан-баптистов и меннонитов, так и пятидесятников и адвентистов седьмого дня. И хотя жесткого размежевания между рядовыми верующими зарегистрированных и незарегистрированных общин в этот период не было, со второй половины 1970-х гг. государственные инстанции стремились легализовать «религиозное подполье» при параллельной локализации и изоляции «религиозных фанатиков и экстремистов», т.е. тех верующих, кто пытался избежать этого. Наличие в стране незарегистрированных общин и неконтролируемой религиозной деятельности было основной «головной болью» СПДР и его уполномоченных.

В данной статье я разделяю механизмы регулирования легальных структур евангельских деноминаций и мероприятия в отношении членов незарегистрированных общин, хотя понятно, что это были две стороны одной медали. В отношении легальных религиозных структур я выделяю следующие формы и механизмы участия государственных инстанций: (1) участие в создании организационной структуры; (2) формирование и воспитание служителей культа; (3) регулирование количества религиозных объединений; (4) регулирование финансовой, хозяйственной, издательской деятельности; (5) вмешательство в богослужебную деятельность.

В представленном исследовании мы рассмотрим некоторые из вышеназванных направлений, в частности, участие государства в создании организационных структур конфессий. Как известно, наиболее крупной структурой позднепротестантских объединений в СССР был Союз евангельских христиан баптистов под руководством Всесоюзного совета евангельских христиан-баптистов (ВСЕХБ). На протяжении 1940-х гг. он последовательно включил в себя, кроме евангельских христиан и баптистов, также пятидесятников, дарбистов, вольных христиан (смородинцев), а позднее и братских меннонитов. Для всех этих объединений была искусственно создана жесткая административная структура, во главе которой находился Президиум ВСЕХБ, состоящий из пяти членов. В 1944 г. началась оформляться система уполномоченных ВСЕХБ (которые позднее были переименованы в «старших пресвитеров»). Старшие пресвитеры должны были осуществлять посреднические функции между Президиумом ВСЕХБ, властями и верующими. С одной стороны, старшие пресвитеры получили административные полномочия в отношении местных общин: они должны были выводить общины на регистрацию, рукополагать пресвитеров для местных общин, участвовать в разрешении конфликтных ситуаций в общинах, контролировать и опекать пресвитеров в их служении, исключать членов общин из церкви; именно им был поручен основной административный контроль, учет и отчетность за деятельностью общин на определенной территории. При этом с начала 1960-х гг. старшие пресвитеры не могли заниматься проповеднической и богослужебной деятельностью в общинах, общаться на религиозные темы с верующими в молитвенных собраниях, организовывать молодежное общение и т.п.

Созданная структура управления во ВСЕХБ изменяла принципы организационного устройства евангельских общин, краеугольный камень

которого заключался в независимости поместной церкви – общины. ВСЕХБ, по замыслу чиновников, отводилась «руководящая роль». «В отличие от прежней, нынешняя структура секты выдвигает на первый план пресвитерский состав, как основных руководителей не только духовной, но и всей остальной жизни общин, приближаясь в данном случае к иерархии РПЦ. Нынешняя структура ликвидирует полностью расплывчатый «демократизм» в секте во всех вопросах руководства, передавая в руки старшего пресвитера ВСЕХБ по УССР, областных пресвитеров, и пресвитеров общин всю полноту власти во всех вопросах жизни и деятельности общин, облегчая подбор соответствующих пресвитерских кадров и регулирование их деятельности со стороны уполномоченных Совета по делам религиозных культов» - говорилось в справке о создании структуры ВСЕХБ в Украине³⁰⁸. Характер подобной реорганизации признавался и представителями евангельского движения. По мнению исследователя С.Н. Савинского, «в Союзе определилась епископальная система руководства с некоей духовной иерархией: Президиум – Пленум Совета – старший пресвитер – пресвитер местной общины»³⁰⁹.

Со второй половины 1970-х гг. СПДР пытался также контролировать деятельность руководителей автономных общин ЕХБ, которые стремились наладить взаимодействие между собой. Например, в 1982 г. уполномоченный по Донецкой области сообщал в СПДР: «Руководители автономно зарегистрированных объединений усилили связи между собой и с зарегистрированными общинами ЕХБ, входящими во ВСЕХБ. В усилении этих связей ведущая роль принадлежит пресвитеру автономной общины ЕХБ г. Харцызска Шаптале М.Т.»³¹⁰ Координационная деятельность руководства автономных общин находилась под пристальным вниманием СПДР, однако пока что сложно говорить о наличии у него какой-то твердой позиции в отношении возможного союза «автономников».

Можно заметить, что в разных конфессиях в то время складывается схожая структура управления, для которой на вертикальном уровне была характерна жесткая иерархичность, несменяемость и закрытость церковного руководства, бюрократизм, а на горизонтальном уровне – отсутствие связей, разобщенность, нескоординированность и «автономность» от иерархических структур. Выполнение вышеозначенных принципов достигалось во ВСЕХБ, в частности, путем принятия нужного «Устава», за «выполнением» которого жестко следили чиновники. Например, при избрании старшего пресвитера по Латвии в 1976 г. в Москву из аппарата уполномоченного по Латвийской ССР пошел документ, в котором сообщалось, что «мы рекомендуем п. Эгле выборы

³⁰⁸ Історія релігії в Україні. Т.6: Пізній протестантизм в Україні. За ред. проф. П. Яроцького. – Київ-Дрогобич, 2007. – С. 143. Со ссылкой на ЦДАВО. - Ф. 4648, Оп. 4, Д. 27, Л. 86.

³⁰⁹ Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. – Т. 2: 1917-1967. – СПб., 2001. – С. 192.

³¹⁰ ЦДАВО, Ф. 4648, Оп. 7, Д. 200, Л. 60.

нового ст. пресвитера осуществить в строго соответствии с Уставом ВСЕХБ, то есть не на собрании представителей общин ЕХБ в республике, с предварительным избранием на него делегатов из общин, по предлагаемым пресвитерским советом нормам представительства, а руководствуясь пар. 14 Устава ВСЕХБ, на республиканском пресвитерском совещании всех состоящих на регистрации пресвитеров церкви ЕХБ в Латвийской ССР»³¹¹.

Поддержка религиозных центров со стороны государства происходила с целью: во-первых, активного участия избранных государственной властью представителей конфессий в международной деятельности, которые должны были улучшать имидж СССР на международной арене и налаживать контакты в различных кругах церковного и политического истеблишмента; во-вторых, для демонстрации благополучия со свободой совести в СССР; в-третьих, для контроля и ограничения церковным руководством религиозной активности духовенства и верующих, проведения при содействии государства «воспитательной работы» со служителями культа и верующими, осуществления репрессивной политики государства в отношении неугодных служителей культа. На наш взгляд, именно поэтому у евангельских христиан-баптистов, адвентистов седьмого дня жестко внедрялась установка на то, что проводить богослужения может только рукоположенный пресвитер или пастор. Перевод в другую общину или другой приход, запрещение на богослужебную деятельность, лишение сана - все эти карательные санкции (несмотря на их законодательный запрет), совершаемые руками церковного руководства, давали властям удобную возможность вмешательства.

Параллельно все усилия властей были направлены на уменьшение власти священнослужителей в религиозных обществах, а также минимизацию духовно-попечительской связи между религиозными общинами и церковным руководством (напр., запреты или жесткие ограничения и регламентация деятельности соборов, съездов, конференций). Так, не разрешались разъезды протестантских проповедников и совместные богослужения представителями разных общин. Власти крайне негативно относились к проведению соборов, съездов, форумов. Подобную установку они «привили» руководителям конфессий. В тех случаях, когда этого никак нельзя было избежать, проводилась подготовительная работа³¹², жестко регламентировались заранее состав участников, программа выступлений, принимаемые на съезде решения.

Создание двойных или параллельных структур управления – пресвитера и исполнительного органа – также должно было создавать определенные сложности в управлении церквями. Один из документов того времени сообщает: «Существуют конфликтные ситуации во Львовской общине ЕХБ между пресвитером Пыриг С.И. и председателем исполоргана этого же

³¹¹ Государственный архив Латвийской республики. – Ф. 1419, Оп.3, Д. 12, Л. 88.

³¹² В архивах отложилось множество документов об участии СПДР и его уполномоченных в подготовке избрания представителей на съезд ВСЕХБ, списки делегатов с характеристиками на них. Напр., ЦДАВО. - Ф. 4648, Оп. 7, Д. 304, Л. 54-56.

объединения Соколовским Н.А. Пыриг стремится подчинить себе и своему влиянию исполорган, направить его деятельность на нарушение законодательства о религиозных культах, которое выражается в участии детей в богослужениях, представлении «кафедры» для выступлений иностранных туристов, выезда хора за пределы общины. Действиям Пырога противоречит Соколовский, который не желает, чтобы религиозное объединение нарушало законодательство о культах. Пыриг С.И. был предупрежден аппаратом о том, что в случае повторения подобных нарушений, будет поставлен вопрос о снятии его с регистрации».³¹³

Еще одним способом ослабления монолитности конфессий, на наш взгляд, было насильственное включение, а затем искусственное удержание в крупнейших религиозных структурах страны представителей других религиозных деноминаций и течений, признанных откровенно враждебными социалистическому государству. Наиболее яркими примерами является насильственное и искусственное включение греко-католических общин в состав РПЦ (1946, 1949 гг.) и пятидесятников в состав Всесоюзного Союза евангельских христиан – баптистов («Августовское соглашение» 1945 г.). Существовали идеи включения в создаваемую структуру АСД членов непризнаваемых властью общин Свидетелей Иеговы. С целью сохранения целостности и стабильности религиозных структур церковные руководители вынуждены были взаимодействовать с государственной властью и опираться на нее.

Но при этом наличие «подпольных» объединений и нелегальной деятельности верующих было важным фактором в системе «торга» церковного руководства с властью. Наличие подпольных общин позволяло добиваться если не регистрации новых церквей, то, по крайней мере, сокращения масштабов снятия с регистрации; наличие подпольных издательств и религиозного самиздата позволяло также добиваться издания или увеличения тиража религиозной литературы.

Существование нелегальных общин ЕХБ в исследуемый период давало возможности для большей свободы в зарегистрированных общинах. Руководство ВСЕХБ, используя заинтересованность власти в своей деятельности по ликвидации подпольного экстремизма, на практике добивалось больших льгот для своих общин. Так, старший пресвитер по УССР Г.И. Комендант оправдывал присутствие детей на рождественских богослужениях тем, что это должно привлечь «отделившихся» и продемонстрировать возможность полноценной религиозной жизни в зарегистрированных общинах³¹⁴. Известно, что ВСЕХБ добился от СПДР разрешения на периодическое проведение съездов и отмены навязанного в 1961 г. устава с целью ослабления позиций нелегального Совета Церквей.

На фоне активности Совета Церквей к 1970-м годам наблюдается определенная демократизация управленческой структуры ВСЕХБ: старшие

³¹³ ГАРФ. – Ф. 6991, Оп. 6, Д. 3299, Л. 120.

³¹⁴ ЦДАВО. – Ф. 4648, Оп. 7, Д. 200, Л. 78.

пресвитеры избирались (хотя и во многом формально) на региональных совещаниях. К 1980 г. при старших пресвитерах по республикам и областям были сформированы пресвитерские советы, которые часто были многочисленными. Так, в Беларуси к 1985 г. в пресвитерские советы входило 40 человек. В Украине при Я.К. Духонченко пресвитерский совет насчитывал пятнадцать человек, который проводил заседания не реже одного раза в квартал. В 1982 г. Е.А. Тарасов, глава Отдела СПДР, подготовил рассылку уполномоченным, в которой с негодованием сообщал, что «ст. пресвитеры ЕХБ расширили состав пресвитерских советов, увеличили число замов и помощников, ввели помощников по регентскому делу, на что СДР согласия не давал» и требовал от уполномоченных прекратить активность старших пресвитеров³¹⁵.

Другим направлением взаимодействия было формирование и воспитание кадрового состава «служителей культов», которому СПДР в исследуемый период уделяло ключевое внимание. Нормативными документами было оформлено участие государственных институций в назначении на церковные должности. Государственные институции закрепляли взгляд на религиозную деятельность как на профессиональную, осуществлять которую могло нанятое зарегистрированной религиозной общиной лицо для удовлетворения «религиозных потребностей» после получения разрешения на эту деятельность у представителя государственной власти. Именно регистрация «служителей культа» являлась мощным рычагом воздействия государства на религиозную среду. Без получения регистрации в государственных органах «служитель культа» любого уровня не имел права осуществлять деятельность, на выполнение которой его делегировала церковь. Получаемая в государственных инстанциях справка позволяла духовную лицу заниматься религиозной деятельности в специально отведенных для этого местах на территории проживания членов данной религиозной общины. Угроза лишения регистрационной справки была важнейшим средством давления и манипулирования со стороны государственных инстанций.

Избрание пресвитеров в протестантских общинах также курировалось местными властями. Об этом свидетельствует конфликт в 1978 г. между автономной общиной Запорожья и местным исполкомом. Члены автономной общины отказывались предварительно согласовать избираемую кандидатуру и допустить представителя исполкома на членское собрание общины. Они заявляли, что после избрания пресвитера сообщат об этом в исполком. В результате конфликта с исполкомом (и, видимо, уполномоченным) собрание не состоялось. Интересна мотивация члена автономной общины, отказывавшегося от предварительного согласования кандидатур: «Так нам отведут всю общину. Раз мы дожились уже до того, что райисполком будет назначать нам председателя исполоргана, а затем и пресвитера, как это

---

³¹⁵ ЦДАВО. – Ф. 4648, Оп. 7, Д. 200, Л. 1.

произошло в Мелитополе, то мы никакого собрания проводить не будем...»³¹⁶. В этом же году уполномоченный по Львовской области писал в украинский СПДР: «Из числа зарегистрированных служителей культа сектантских религиозных объединений области – пресвитер одной из Львовских общин ХВЕ в союзе с ЕХБ – Горкавчук С.И. на наш взгляд подлежит замене более лояльным лицом. Пока не снимаю с регистрации с учетом обстановки»³¹⁷.

Если назначение рядовых «служителей культа» согласовывалось с местными органами власти, то выборы (или назначение) высшего руководящего состава всегда происходили с официального согласия Совета по делам религий, который регистрировал церковное руководство, тем самым санкционируя их «иерархическую» деятельность. Практика согласования кандидатур касалась также членов советов при старших пресвитерах. Уполномоченный по Белорусской ССР в аналитической записке о протестантских объединениях в республике заявлял: «Все члены пресвитерских советов избраны по согласованию с уполномоченными Совета по делам религий, поэтому в их составе лояльные служители культа, обладающие чувством гражданственности и патриотизма, соблюдающие законы государства о религии и церкви»³¹⁸. Для утверждения кандидатуры старших пресвитеров по областям необходимо было согласие не только местного уполномоченного, но и союзного Совета. В 1981 г. из аппарата Донецкого уполномоченного в СДРК было направлено письмо: «Аппарат уполномоченного..., обсудив предложенную кандидатуру, считает возможным согласиться с избранием старшим проповедником по Донецкой, Ворошиловградской и Запорожской областям Трусюка... Просим Вашего решения по данному вопросу»³¹⁹.

Уполномоченные Совета по делам религий должны были проводить «воспитательную работу с религиозным активом» для «расширения их патриотического кругозора, укрепления гражданских и патриотических чувств, активизации их участия в борьбе за дело мира». Как показывают документы, в Украине и Белоруссии существовала практика регулярного проведения уполномоченным области «совещаний» со служителями культа и церковным активом всех крупных конфессий: православными, католиками, протестантами. Уполномоченный по БССР отмечал: «Мы придаем большое значение воспитательной работе с этой категорией служителей культа, имея в виду, что их гражданская позиция, настроение, взгляды на советский образ жизни во многом влияют на настроение и поведение всего духовенства сектантских общин, а также рядовых верующих»³²⁰.

К примеру, документы того времени сообщают, что в Гродненской области «уполномоченный Совета т. Лысков А.И. в 1983 г. организовал для

³¹⁶ ЦДАВО. – Ф. 4648, Оп. 7, Д. 90, Л. 11.

³¹⁷ ЦДАВО. – Ф. 4648, Оп. 7, Д. 78, Л. 30.

³¹⁸ ГАРФ – Ф. Р-6991, Оп. 6, Д. 2979, Л. 17.

³¹⁹ ГАРФ – Ф. Р-6991, Оп. 6, Д. 2200, Л. 9.

³²⁰ ГАРФ – Ф. Р-6991, Оп. 6, Д. 2979, Л. 17.

группы духовных лиц лекцию о международном положении, доклад на тему «Законодательство о религии и церкви в отношении детей и подростков». Затем состоялась двухчасовая экскурсия в историко-археологический музей. 30 октября 1984 г. он организовал занятия с той же группой служителей культа по более широкой программе: с докладом о развитии народного хозяйства, культуры области выступил заместитель председателя облисполкома т. Кардаш Л.М., доклад о «Декрете об отделении церкви от государства и школы от церкви» прочитал работник аппарата Уполномоченного совета т. Коломиец В.Р., с лекцией о международном положении выступил кандидат исторических наук Н.И. Ткачев. Затем группе служителей культа были вручены Почетные грамоты за активное участие в Фонде мира. Занятия проводились в новом здании областного драматического театра. После занятия служители осмотрели помещение театра, им были показаны фрагменты спектакля «Вечер».³²¹

Какие же качества в старших пресвитеров ценились чиновниками СПДР? Вот пример положительной характеристики, данной в 1976 г. уполномоченным СПДР по Волынской области старшему пресвитеру А.А. Нестеруку: «Старший пресвитер активно противодействует сторонникам т.н. "Совета церквей", умело проводит с ними работу по вопросу о возвращении их в зарегистрированные объединения ЕХБ. За последние пять лет ни один баптист из зарегистрированных общин не перешел на сторону раскольников. Наоборот, за это время 30 человек возвратилось в свои общины. Нестерук А.А. сделал очень много по предотвращению нового раскола в Луцкой общине ЕХБ. Большую работу Нестерук проводит по прекращению нелегальной деятельности пятидесятников, по объединению их с евангельскими христианами баптистами. При его содействии вышли с подполья 439 пятидесятников Луцка, 200 пятидесятников Ковеля. Недавно дали свое согласие выйти с подполья и зарегистрироваться как евангельские христиане-баптисты 80 пятидесятников с. Квасов Гороховского района. В своей деятельности он опирается в основном на тех верующих, которые лояльно относятся к советской власти и ее законодательству. С этих категорий людей стремится выдвигать пресвитеров, диаконов и проповедников. Он не является фанатично верующим. Его три сына неверующие. Один из них - член КПСС. Он работает директором Старовыжевской районной киносети»³²².

Регулирование количества религиозных объединений, равно как и численности служащего духовенства и насельников монастырей, являлось монопольным правом государства. Оформление государственной регистрации религиозных объединений³²³ - как санкционирующей на

³²¹ ГАРФ. – Ф. 6991. Оп. 6. Д. 2979. Л. 18.

³²² Евангельское движение в Евразии. Электронный ресурс. Диск 1.0 (со ссылкой на: Государственный архив Волынской области – Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 181. Л.10-11).

³²³ Более подробно ситуация с регистрацией религиозных объединений прописана в статье: Белякова Н.А. Власть и религиозные объединения в «позднем» СССР:

объединенную религиозную деятельность верующих³²⁴, а также решения о передаче молитвенных зданий в пользование верующим - в качестве законодательной нормы предоставило государственным институциям исключительные возможности по регулированию «религиозной сети». При чем критерии для отказа или согласия властей на регистрацию законодательно не предусматривались. Следует отметить, что существование в законодательстве требования об обязательной регистрации групп верующих, в т.ч. числом менее 20 чел., привело к тому, что незаконной с точки зрения государства могла оказаться совместная молитва членов одной семьи³²⁵.

Можно говорить о том, что регистрация религиозных обществ была направлена на достижение двух основных целей: ограничение и снижение религиозной активности населения; контроль, регулирование и направление деятельности членов зарегистрированных религиозных обществ, которые несли «ответственность перед государством не только и не столько за сохранность имущества, сколько за содержание деятельности своей организации»³²⁶.

Ограничение религиозной активности населения выражалось в стремлении регулировать сеть религиозных объединений. Наиболее четко оно выражалось в снятии с регистрации религиозных общин, закрытии и «освоении» молитвенных зданий, отказах в регистрации религиозных обществ. Это должно было демонстрировать успехи атеистической политики. Тактика контроля с целью ограничения деятельности верующих начинает преобладать в отношении членов протестантских деноминаций в 1970-80-е гг. В это время стало ясно, что тактика отказа в регистрации не только продемонстрировала свою неэффективность, но и дала членам нелегальных общин больше свободы, чем зарегистрированным. Начинается работа по выводу «из подполья» незарегистрированных протестантских объединений. С конца 1960-х гг. государство начинает регистрацию «автономных» протестантских объединений. Определенный парадокс заключался в том, что если в 1950-60-е гг. протестантские общины разных направлений безуспешно пытались добиться регистрации, то в 1970-1980-е гг. власти сами инициировали расширение регистрации, стремясь сделать ее привлекательной как для «автономников», так и для общин, входящих во ВСЕХБ. Регистрационная политика в отношении этих общин получила у

проблема регистрации // Отечественная история (ИРИ РАН). - 2008.- №4.- С. 124-130.

³²⁴ «Религиозное общество или группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь только после принятия решения о регистрации общества или группы верующих Советом по делам религий при Совмине СССР». – Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1975 г. – С. 4.

³²⁵ Известны случаи привлечения к административной ответственности в УССР в 1980-е гг. Свидетелей Иеговы, только за то, что верующие родители приехали в гости к верующему сыну.

³²⁶ Розенбаум Ю.А. Советское государство и церковь. – М., 1985. – С. 110.

исследователя М. Рув название «концессий» и «репрессий»³²⁷. Регистрация обязывала членов религиозных объединений действовать в рамках существующего законодательства. «Для регистрации религиозного объединения необходимо письменное заявление верующих, <в котором> должно быть сказано, что верующие берут на себя обязательство безоговорочно соблюдать советское законодательство о культах и все другие законы государства», – говорилось в «Разъяснении о регистрации религиозных объединений» от 1965 года.³²⁸ Основанием для начала автономной регистрации стало вышеназванное «Разъяснение», в котором говорилось о принципиальном преимуществе «открытой, легальной деятельности религиозных объединений, находящихся под контролем государственных органов, по сравнению с нелегальной, как правило, неконтролируемой, государственными органами». Регистрация давала возможность контролировать членство религиозной общины, не допускать ее увеличения и крещения новых членов, влиять на избрание пресвитера, ограничивать привлечение детей к богослужениям, прекратить благотворительность и связи с нетерпимым «Советом Церквей». Эта тактика также содействовала разделению внутри оппозиционного протестантского подполья³²⁹.

Аналитики СПДР разъясняли местным властям «неправильность» политики отказа в регистрации общин ЕХБ, поскольку «многие из этих объединений отличаются высокой активностью и миссионерской деятельностью верующих и служителей культа, а некоторые находятся под сильным влиянием фанатиков и экстремистов... А к чему же это ведет? Если в Калужской, Калининской, Смоленской областях, где почти все лояльные объединения зарегистрированы, за ними осуществляется контроль, число крещаемых в зарегистрированных обществах не восполняет естественную убыль (в каждой из них умерло больше, чем завербовано новых членов)». Такими же, по мнению СПДР, были результаты регистрации общин пятидесятников³³⁰.

В письме СПДР 1982 г. местным уполномоченным настойчиво предлагалась мысль, что «регистрация – единственный путь, ведущий к созданию правильных, построенных на принципах обоюдного соблюдения законных взаимоотношений между государством и Церковью. Необоснованный, под разными надуманными предлогами отказ в

³²⁷ Rowe M. Soviet Policy towards Evangelicals // Religion in Communist Lands. – 1979. – Vol. 7. – P. 9

³²⁸ Разъяснение о регистрации религиозных объединений (Утверждено Постановлением Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР от 16 октября 1965 г. №21) опубликовано в: Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917-1967). – СПб., 2001. – С. 308.

³²⁹ Решетников Ю., Санников В. Обзор истории евангельско-баптистского братства в Украине. – Одесса, 2000.

³³⁰ ГАРФ. – Ф.6991. Оп.6, Д. 2295, Л. 7-8.

регистрации фактически действующих религиозных объединений вызывает законное недовольство верующих граждан, активизирует деятельность разного рода фанатиков и экстремистов»³³¹. В письме указывалось на необходимость действий в рамках законодательства и утверждался тезис о правильности не открытой борьбы с верующими, которая загоняет религию в подполье и тем самым обостряет экстремизм, а о совершенствовании системы контроля над религиозной жизнью и обеспечения лояльности власти со стороны верующих. Регистрация «позволяет ликвидировать отчуждение этих верующих от советской действительности, преодолеть фанатизм в их взглядах, прекратить изуверские моления»³³².

Важной причиной регистрации «автономников» было желание уменьшить число мелких религиозных протестантских групп, поскольку в одну зарегистрированную общину обязательно вливалось от трех до пяти групп. Кроме того, мотивом автономной регистрации общин ЕХБ в Украине и Белоруссии было очевидно стремление властей оторвать их от организационной структуры подпольного объединения Совета Церквей, что давало возможность решить несколько проблем: ослабить СЦ как структуру, изолировать автономные общины от «экстремистских» настроений Совета Церквей, потихоньку приблизить их к общинам ВСЕХБ. В 1982 г. чиновники с большим удовлетворением отмечали: «Все автономно зарегистрированные религиозные объединения ЕХБ были выведены из т.н. «СЦ ЕХБ», а их представители исключены из областного совета баптистов-раскольников... Представители этого незаконного органа прекратили посещение данных объединений и прервали с ними все контакты, пытаясь полностью изолировать их... Регистрация этих религиозных обществ на автономных началах играет положительную роль в подрыве влияния т.н. СЦЕХБ и в дальнейшем прекращении деятельности сектантского подполья»³³³. Можно с уверенностью говорить, что чиновники были весьма удовлетворены резким разрывом Совета Церквей с автономными общинами. Организация структуры автономных общин должна была, по их мнению, окончательно дезорганизовать СЦ, а поэтому они не особенно препятствовали координационной деятельности руководства автономных церквей.

Сразу после регистрации автономных общин в рапортах чиновников возобладало оптимистическое настроение в отношении автономных общин, что отражалось на характере их переписки. «Прекращение контактов с т.н. «СЦЕХБ» благотворно сказалось как на внутренней обстановке этих объединений, так и на отношении служителей культа и рядовых верующих к советскому законодательству... Верующие стали лучше идти на контакты с представителями органов власти, к беседам относятся с меньшим предубеждением»³³⁴.

³³¹ ГАРФ. – Ф. 6991, Оп. 6, Д. 2287, Л. 29.

³³² ГАРФ. – Ф. 6991, Оп. 6, Д. 2295, Л. 7-8.

³³³ ЦДАВО – Ф. 4648, Оп. 7, Д. 200, Л. 59-60.

³³⁴ ЦДАВО. – Ф. 4648, Оп. 7, Д. 200, Л. 59-60.

Государственные концессии регистрируемым общинам заключались в предоставлении зданий зарегистрированным общинам, установления низкой или отсутствия арендной платы за молитвенные здания, предоставлении больших возможностей для молодежной деятельности, разрешение присутствия детей на богослужениях. Аналитик М. Рув отмечал (1979 г.), что «в некоторых церквях присутствие детей на богослужении не является проблемой ни для пастора, ни для родителей, и дети даже могут читать стихи ... Организовываются юношеские хоры, специальные службы и встречи для молодежи, как в церквях, так и в домах часто можно увидеть детей на богослужениях». Нельзя однако исключать того, что М. Рув мог присутствовать только на специальных, показательных для иностранцев богослужениях³³⁵.

Через несколько лет после регистрации «автономников» стало очевидно, что общины динамически развиваются. «Послабления», воспринимаемые чиновниками как временные, были закреплены как норма: в большинстве общин дети присутствовали на богослужениях, было сильно молодежное крыло, поминались «узники за веру», существовали воскресные школы, молодежные общины, крестились новые члены. С 1982 г. в Украине было заметно усиление административного давления на автономные общины с целью ввести в «рамки законодательства о культурах». Руководство общин в свою очередь вело жесткую систему торга с местными властями, угрожая уходом в нелегальное состояние. Процесс усиления религиозного движения приобрел тенденцию необратимости. Если в 1970-е гг. регистрировалось незначительное число протестантских общин (в Белоруссии за 1975-1979 г. было зарегистрировано всего 16 общин), то с начала 1980-х гг. регистрация протестантских объединений в Украине и Белоруссии производилась ежегодно. К 1988 г. в Украине было зарегистрировано 135 автономных церквей, из них 38 общин ЕХБ. В Беларуси с 1980 по 88 гг. было зарегистрировано 63 общины, из которых 39 вошло в состав ВСЕХБ, а 24 автономные³³⁶. Динамично развивающиеся общины, особенно автономные и незарегистрированные, выходили за рамки «законодательства о культурах» и были предметом постоянной тревоги СПДР до конца 1980-х гг.

Проведенное исследование показало, что в послевоенный период сформировалась достаточно жесткая система регулирования и контроля деятельности религиозных объединений. В статье были показаны принципы и установки Совета по делам религий, которые лежали в основе регулирования организационного устройства, контроля над «кадровым составом» служителей культа и деятельностью религиозных объединений. Необходимо подчеркнуть, что рассмотренный выше комплекс регламентационно-контрольных механизмов сочетался с постоянными

---

³³⁵ Rowe M. Soviet Policy towards Evangelicals // Religion in Communist Lands. – 1979. – Vol. 7. – P. 7.

³³⁶ Глава 8. Современная жизнь церквей // ИСТОРИЯ ЕХБ В СССР. М.: Издательство ВСЕХБ, 1989. /Евангельское движение в Евразии. Диск 2.0.

репресивно-ограничительними заходами в отношении веруючих, розглянути які в даній статті не представляється можливим. Однак питання про ступінь ефективності загальної лінії релігійної політики в пізньому СРСР представляється ще нерозв'язаним. Очевидно, що комплекс обмежувальних і репресивних заходів в отношении євангельського суспільства не мав достатньої ефективності. Політика, яку проводив СПДР в цей період, поєднувала в собі як систему обмежень, так і певні привілеї, спрямовані на легалізацію життя веруючих протестантів і існування в їх середовищі «релігійного екстремізму і фанатизму» з метою поступового їх включення в «радянський побут».

А н о т а ц і ї

Стаття Н.А. Бєлякової присвячена аналізу державного регулювання діяльності євангельської спільноти в пізньому СРСР на основі документів Ради у справах релігій та її уповноважених. Зазначено, що хоча Рада до 1980-их рр. теоретично «замкнула» на собі контроль за релігійною сферою, вирішуючи принципові для віруючих питання (реєстрація, надання приміщень для богослужінь, порядок проведення богослужінь тощо), а також розглядаючи їхні скарги на неможливість організації нормального церковного життя, проте в сфері практичної реалізації її рішення часто ігнорувалися місцевими органами влади, які намагалися проводити самостійну політику. Вказано, що регулювання діяльності пізньопротестантських релігійних об'єднань, яке проводила Рада в справах релігій, поєднувало в собі як репресивно-обмежувальні заходи, так і систему певних привілеїв, що були спрямовані на легалізацію життя віруючих та поступове виживання «релігійного екстремізму та фанатизму» в євангельському середовищі з метою їхнього поступового включення в «радянський побут».

Ключові слова: Рада в справах релігій, законодавство про культу, реєстрація, автономні громади.

Стаття Н.А. Бєляковой присвячена аналізу державного регулювання діяльності євангельського суспільства в пізньому СРСР на основі документів Совета по делам религий и его уполномоченных. Указано, що хоча Совет до 1980-х гг. теоретично «замкнув» на собі контроль за релігійною сферою, вирішуючи принципові для веруючих питання (реєстрація, надання приміщень для богослужінь, порядок проведення богослужінь і т.д.), а також розглядаючи їхні скарги на неможливість організації нормального церковного життя, однак в сфері практичної реалізації його рішення часто ігнорувалися місцевими органами влади, які намагалися проводити самостійну політику. Отримано, що регулювання діяльності пізньопротестантських релігійних об'єднань, яке проводив Совет по делам религий поєднувало в собі як репресивно-ограничительні заходи, так і певні привілеї, спрямовані на легалізацію життя веруючих і поступове виживання «релігійного екстремізму і фанатизму» з метою їх поступового включення в «радянський побут».

Ключевые слова: Совет по делам религий, регистрация, законодательство о культурах, автономные общины.

N. Belyakova's article is devoted to the analysis of state regulation of evangelical community in the last period of USSR history. The research was based on the documents of the Council for Religious Affairs and its Commissioners. The article observes that, although by 1980s the Department theoretically assumed the entire responsibility for religious sphere by solving the essential problems of believers (registration, providing premises for worship services, regulation of church services, etc.), and considered Christian's complaints about the impossibility to organize normal church life, in practical implementation its decisions were often ignored by the local authorities, which attempted to pursue their own policy. The author points out that Council for Religious Affairs regulated late-Protestant communities by means of repressive and restrictive measures as well as by a system of certain benefits, which were designed to legalize Christian way of life and gradually eradication of "religious extremism and fanaticism" in order to involve Christians in the "Soviet way of life".

Keywords: Religion Department, registration, cults legislation, autonomous churches.

С. Солоха* (м. Донецьк)

УДК 27-475:316.483(477.54)"1963/1987"

**ПРИНЦИПИ ТА МЕТОДИ БОРотьБИ
АПАРАТУ УПОВНОВАЖЕНОГО
ПРОТИ ПРОПОВІДНИЦЬКОЇ АКТИВНОСТІ
У ЦЕРКВАХ ХАРКІВСЬКІЙ ОБЛАСТІ
(1963-1987 рр.)**

Сьогодні стало актуальним контекстуальне дослідження боротьби радянської влади проти проповідницької активності служителів і членів Церкви. Це зумовлено тим, що проповідь, традиційно, є головною частиною протестантського богослужіння і духовного виховання. Обмеження проповідей і вплив на них були однією із стратегічних цілей радянської політики державного атеїзму. Хоча сучасні християнські історики, зокрема такі, як В. Заватські, С. Савінський та ін.³³⁷, дають свої оцінки тим подіям, що відбувалися у радянський період, все ж вони не достатньо володіли документами цієї епохи, щоб зуміти розкрити аспекти боротьби влади проти якості та кількості церковних проповідей.

Мета цього дослідження полягає в тому, щоб виявити і проаналізувати конкретні принципи та методи протидії влади

---

* Солоха С.В. – магістр богослов'я, академічний декан Донецького християнського університету.

³³⁷ Заватски В. Евангелическое движение в СССР после второй мировой войны. – М., 1995. – С. 459-528;. Савинский С. Н. История Евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии. 1917-1967. – СПб.:, 2001.